

В.Е. Лоба, А.С. Малахова

**РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ
УГОЛОВНОГО ПРАВА XIX – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ**

Созданию отсутствующего до настоящего времени целостного учения о субъекте преступления могут послужить подзабытые уголовно-правовые теории отечественных дореволюционных ученых-юристов о данном учении, требующие современного переосмысления. Автор обращается к истории вопроса, к работам, посвященным основным проблемам субъекта преступления в отечественной науке уголовного права XIX – начала XX в., которые до настоящего времени остаются неразрешенными.

Ключевые слова: *субъект преступления, уголовное право, развитие отечественной науки уголовного права.*

Отечественная наука уголовного права начинает активно развиваться в XIX столетии. К этому периоду времени следует отнести и теоретическую разработку основ решения вопроса о том, кого или что надлежит признавать субъектом преступления. После долгих теоретических дискуссий с самым широким разбросом мнений как приверженцы свободы воли, так и сторонники подчинения воли закону причинности, в их наиболее обработанном правильном учении, а также последователи смешанной доктрины пришли, в конечном итоге, к единому мнению, что учинителем уголовного правонарушения может быть только индивидуальный человек [1, с. 218].

Разумеется, акцент на то, что субъектом преступления может быть только физическое лицо, полностью исключал возможность привлечения к уголовной ответственности животных, растений или вещей [2, с. 4], а также юридических лиц.

Особняком на этом фоне стоит позиция Г.И. Солнцева, который, ссылаясь на отдельные положения римского права и российского права, утверждал, что «общества, collegia, сопрога и т.д.» могут совершать «преступления, а за тем и подвергаться правомерным наказаниям» [3, с. 73]. Похоже, ученый тем самым признает коллективную ответственность юридических лиц.

Ныне под термином «субъект преступления» понимается правовая конструкция, образуемая совокупностью трех обязательных признаков, а именно: физическая природа лица; достижение возраста уголовной ответственности и вменяемость. Однако в рассматриваемый период к обязательным признакам субъекта преступления относили лишь наличие физического лица и вменяемость. Это было связано с тем, что к причинам невменяемости относили, в частности, и недостижение возраста уголовной ответственности («малолетство») [4, с. 222].

Понятию вменяемости, в основе которого лежит свобода воли и закон причинности, в юридической литературе рассматриваемого периода отмечается разброс мнений. Например, А.Ф. Кистяковский смешивал вменение с вменяемостью: «Вменение представляет существование общей вменяемости

человеку его действий» [5, с. 324], Н.С. Власев отождествлял вменяемость с преступлением: «Суждение о том, есть ли, и в какой мере в существующем вине нарушении права виновное деяние, называем мы вменением» [6, с. 46]. В свою очередь, А.С. Жиряев, выделяя юридическую вменяемость, включает в нее сознание и свободу действий, в зависимости от характера которых, в свою очередь, выделяет умысел, неосторожность и случай (казус) [7, с. 45]. Сразу видно, что вменяемость отождествлялась со структурой состава преступления. С личным состоянием преступности отождествлял вменяемость В.В. Есипов [8, с. 145], а Л.Е. Владимиров вообще предлагал не определять в законе критерии вменяемости, указав лишь причины, по которым вменяемость исключается [9, с. 47]. Н.А. Неклюдов предпринял попытку расширить понятие вменяемости путем включения в него следующих условий: 1) сознание самого себя; 2) сознание внешнего мира и 3) сознание своих прав и обязанностей [10, с. 26].

Максимально приближенную к современному дал трактовку Н.С. Таганцев, указав, что вменяемость (по терминологии ученого – «дееспособность») субъекта «является краеугольным камнем всех теорий, признающих основанием наказуемости виновное посягательство на правопорядок», предлагая понимать ее как обладание «способностью сознавать совершаемое и его результаты и способностью оценивать не только физическое, но и нравственное и правовое значение деяния и руководствоваться сознанным» [11, с. 410]. Из этого представления исходили Л.Е. Белогриц-Котляревский, С.В. Познышев, Н.Д. Сергеевский. Мало того, по существу, ими было заложено ставшее ныне господствующим отношение к субъекту преступления как вменяемому лицу, под которым понимается способность лица во время совершения общественно опасного деяния осознавать общественную опасность и фактический характер своих действий (бездействия) и руководить ими.

Общепризнанным в уголовном праве является тот факт, что вменяемость, как уровень социального развития личности, приобретает с возрастом. П.Д. Калмыков следующим образом описал сложившуюся в науке XIX века периодизацию возраста

несовершеннолетних: 1) от рождения до 7 лет – «тут не может быть вменения, хотя проявляются уже следы вменения»; 2) от 7 до 12 лет для женского пола и 14 для мужского – «вменение в этом возрасте возможно, но следствием его должно быть не наказание общественное, ... а только домашнее исправительное наказание». В то же время, если будет установлено, что «в малолетнем разуме и свобода достигли полного развития», то ему полагается общественное наказание, сила которого уменьшается «из сострадания к слабости его сил». 3) Третий возраст простирается от 12 или 14 лет до совершеннолетия. «В нем действия страстей особенно сильны, и потому наказание для несовершеннолетних этого возраста смягчается» [12, с. 68]. Эти три периода ответственности именовались: 1) полной невменяемости; 2) относительной невменяемости; 3) смягченной вменяемости [10, с. 27].

Первым, кто сделал объектом исследовательского интереса проблему ответственности несовершеннолетних, был А.М. Богдановский. Свою докторскую диссертацию, защищенную 26 апреля 1870 г. в Новороссийском университете, он озаглавил: «Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики». Минимальный возраст уголовной ответственности он определил в 14 лет. К детям, не достигшим этого возраста, общественная власть могла бы принимать только меры предупреждения [13, с. 91]. Свои подходы к установлению возрастной границы уголовной ответственности предлагали С.М. Будзинский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев и др.

С.И. Баршев к причинам, исключаяющим вменение и заключающихся в самом преступнике, в числе прочих относил и глупость, которая происходит или от природной ограниченности, или от недостатка воспитания [14, с. 46]. Очень похоже на то, что последним подходом ученый недвусмысленно очерчивает контуры проблемы ответственности несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии, вызванным не психическими расстройствами, а задержкой в психофизиологическом развитии, которая впоследствии в теории получает название как «возрастная невменяемость», «возрастная невменяемость», «возрастное невменение» [15, с. 148].

Бесспорно и то, что возраст накладывает отпечаток на поведение людей, их потребности и жизненную установку. Так, например, И.Е. Нейман отмечал, что старик, который начинает располагать своими поступками как младенец, освобождается от наказания за учиненные ими преступления не по причине старости, а потому, что «лишился употребления разума и, следовательно, должен быть причтен к безумным» [16, с. 28]. Ему вторит К. Слепнев, утверждавший, что престарелость не должна быть причиной невменяемости, «у старца есть опытность, страсти перегорели, сердце охладело, хотя в некоторых законодательствах с 70-летнего возраста старость служит обстоятельством, уменьшающим наказание» [17, с. 19]. Эти и другие выска-

занные в доктрине точки зрения едины в одном: максимальный возраст уголовной ответственности невозможно определить. Практическое же разрешение вопроса об уголовной ответственности лиц пожилого или старческого возраста предлагалось в каждом конкретном случае индивидуально, в рамках «вменяемость – невменяемость», а также отношения к обстоятельствам, отягчающим либо смягчающим наказание.

Ныне известно, что способность правильно понимать и оценивать фактическую сторону и значимость своих поступков и при этом осознанно руководить своей волей и действиями отличает вменяемое лицо от невменяемого [18, с. 103]. В этой связи вряд ли состоятельно понимание невменяемости как отсутствие: момента самоопределения, фактического момента и посредствующей связи между делом и волей (Н.С. Власев) [6, с. 48], «разума... без разума нет человека, есть только существо, не могущее дать себе отчета в действиях, не понимающее их нравственной стороны» (А.В. Лохвицкий) [19, с. 113].

Так называемая классическая школа уголовного права рассматривала, в основном, преступление как проявление свободной воли, полной независимости волевого акта от каких-либо предшествующих факторов. Это позволяло считать несвободными и относить к состояниям невменяемости: действия, совершенные с психической неполноценностью, в состоянии законной обороны и несчастного случая [3, с. 57]; причины, лежащие вне человека (состояние необходимой обороны, состояние крайней необходимости, угроза, исполнение обязанности и приказание начальства); причины, лежащие в самом человеке (ошибка и неведение, возраст, расстройство душевной организации или душевные болезни, аффекты, состояние опьянения, состояние сна и т.п.) [5, с. 326] и т.д.

В конце концов пришло понимание, что с медицинской точки зрения невменяемость предполагает неразвитую психическую способность (малолетство, идиотизм, глухонмота); состояние временного расстройства психической способности (умоисступление или совершенное беспамятство, патологический аффект, лунатизм, опьянение) и душевные болезни [9, с. 48].

В то же время, как справедливо указывал Н.С. Таганцев, причиной безответственности являются не слабоумие, мания, глухонмота, лунатизм, горячка и т.д., а те эффекты или последствия, которые они вызывают в психической жизни человека, в его мышлении, в его волеопределяемости. Поэтому «всего естественнее в формуле закона, рядом с условиями невменяемости, поставить и психологический критерий, который положен в их основание» [11, с. 384].

Надо сказать, что дихотомия «вменяемость – невменяемость» долгое время была настолько неизученной, что правоведы с конца XVIII в., по существу, предпочитали черпать свои знания в этой области из динамично развивающейся психиатрии [20,

с. 3]. Необходимость установления психологического критерия невменяемости с наибольшей убедительностью разработана знаменитым отечественным психиатром В.Х. Кандинским, сущность которого его ученик В.П. Сербский свел, в частности, к следующему. Невменяемыми могут быть лишь действия человека, находящегося в таком душевном состоянии, которым исключается свободное волеопределение. Способность свободного определения предполагает наличие двух необходимых условий. Первое – способность суждений или различения, второе – возможность выбора. Для свободы суждения необходима прежде всего известная степень умственного развития. Возможность же выбора означает возможность руководиться в момент действия раньше узанным или понятым, возможность сделать выбор между различными мотивами действия, т.е. возможность удержаться от совершения преступного деяния или наоборот уступить соблазну [21, с. 27]. Таким образом, в теории возобладала точка зрения о наличии сочетающихся и дополняющих друг друга медицинского и психологического критериев, образующих формулу невменяемости

Психиатры и юристы рассматриваемого периода столкнулись еще и с феноменом, когда немалое число лиц, признанных вменяемыми в момент совершения общественно опасного деяния, все же имеют определенные психические аномалии, которые, по словам Р. Крафт-Эбинга, проявляют при совершении преступлений интеллектуальную слабость, «извращения» характера, что увеличивает силу безнравственных стремлений, душевных страстей и ослабляет способность им противостоять, проявлять самообладание [22, с. 164]. В продолжение этого в доктрине возникает теория о наличии промежуточного между вменяемостью и невменяемостью состояния психики, которую еще называют «ограниченной», «ослабленной», «уменьшенной» и т.п. В число ее сторонников можно отнести В.Д. Спасовича, предпринявшего попытку обосновать научную состоятельность и практическую значимость решения этой проблемы путем обеспечения дифференцированного применения к совершившим преступления лицам с психическими аномалиями, не исключающими вменяемости. Он, в частности, утверждая, что между полной вменяемостью и совершенной невменяемостью «есть бесчисленное множество оттенков», в «юридической ответственности» различал три ступени: 1) полную вменяемость; 2) полную невменяемость; 3) ослабленную вменяемость [23, с. 117].

В отличие от этого, противники уменьшенной (ограниченной, ослабленной и т.п.) вменяемости довольно доходчиво и точно аргументируют свою позицию следующими доводами: 1) среднего состояния между вменяемостью и невменяемостью не существует [24, с. 78]; 2) введение в законодательство понятия об уменьшенной вменяемости «при невозможности дать какую-либо мерку для приложения его на

практике вызвало значительные недоразумения и дало бы ложное направление разрешению вопроса о невменяемости, который допускает только два решения: или человек обладал свободой действия – и тогда он вменяем, или же он не обладал ею – и тогда он не вменяем» [21, с. 44]; «глупость, опьянение, душевная неуравновешенность и т.д. имеют так много степеней и оттенков, что самые пределы уменьшенной вменяемости представляются слишком слабо очерченными... далеко не всегда в подобных состояниях можно приискать основания для уменьшения наказания» [11, с. 413]; 3) «нравственное притупление, психическая неуравновешенность, психическое вырождение могут проявиться в таких кровавых злодеяниях, что даже самые крайние сторонники антрополого-психиатрических воззрений на преступность не решаются рекомендовать в этих случаях снисходительности, а предлагают по отношению к ним более или менее крутые меры охраны» [11, с. 413]; 4) при уменьшенной вменяемости невозможно совмещать наказание и лечение [21, с. 44]. Тем не менее, в конце концов сошлись во мнении о существовании уменьшенной вменяемости. Однако так и остался не особенно ясным вопрос, как соотносятся между собой «полная» и «уменьшенная (ограниченная)» вменяемость.

В рамках исследования учения о субъекте преступления большое теоретическое и практическое значение имеет изучение вопроса уголовной ответственности за преступления, совершаемые лицом в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя и наркотических веществ. Еще С.И. Баршев и О.И. Горегляд, рассматривая классификацию лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, предлагали дифференцировать наказание с учетом психического отношения лица к факту употребления алкоголя [25, с. 171]. В своих разработанных классификациях предлагали рассматривать вопрос о влиянии опьянения на вменяемость и ответственность на основе деления опьянения в связи с условиями его возникновения Л.Е. Владимиров, П.Д. Калмыков, А.Ф. Кистяковский, Н.А. Неклюдов, Н.С. Таганцев и другие.

С.С. Хрулев вообще рассматривал опьянение как временное помешательство, вызванное не патологическим процессом в мозгу, а «нарушением питания тех или других областей мозга» [26, с. 54]. Л.С. Белогриц – Котляревский полагал, что вряд ли могут вызвать сомнения в невменяемости субъектов, совершающих преступления в период запоя, под которым им понимается болезненное состояние, в котором субъект чувствует неодолимое, мучительное желание пить, по удовлетворению которого наступает отвращение к спиртным напиткам, а вместе с тем и более или менее продолжительное воздержание. Ученый указывает на важную деталь: «При этом безразлично, совершено ли преступное деяние во время акта запоя, после его прекращения – в период выздоровления или даже в промежутки более или менее продолжительных перерывов, если толь-

ко в последнем случае болезненное состояние не прекратилось» [27, с. 132]. В связи с этим до настоящего времени актуальными являются высказанные во второй половине XIX века слова А.Ф. Кистяковского, что вопрос о влиянии опьянения на вменяемость принадлежит к «разряду наиболее спорных. До сих пор ни в теории не выработано общепринятых учений, ни в законодательстве не принято однообразных правил» [5, с. 414].

Рамки подобных публикаций всегда ограничены, поэтому, как бы подводя итоги проведенному краткому обзору доктринальных точек зрения, выскажем крамольную мысль: за прошедшее столетие в уголовном праве в учении о субъекте ничего кардинального не произошло. Это очень наглядно прослеживается на том, что до настоящего времени не существует общепризнанного понимания такого центрального понятия уголовного права, как вменяемость, лежащего в основе учений о вине и уголовной ответственности [18, с. 105]; не получил однозначного решения вопрос о научном обосновании

минимального и максимального возраста субъекта уголовной ответственности [28, с. 102]; не утихает до настоящего времени и, судя по всему, требует дальнейшей научной проработки теоретический спор о расширении круга субъектов преступления за счет включения в сферу уголовно-правовых отношений юридических лиц [29, с. 415] и т.д.

Общий «рецепт» давно известен: любое учение требует своего развития, более глубокого теоретического осмысления с позиций современных реалий и трудностей сегодняшнего дня, а законодательство – совершенствования. «В данном случае не будет исключением и учение о субъекте в уголовном праве на современном этапе развития российского государства» [18, с. 280]. Если говорить о частностях, то в истории развития уголовного права XIX – начала XX века имеется много незаслуженно отброшенных идей, требующих своего возвращения и определения пригодности сегодняшней теории уголовного права. Смеем надеяться, что пришло время вернуть их к научной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пусторослев П.П.* Русское уголовное право. Общая часть. Вып. I. Введение. Источники уголовного права. Юрьев: Типографии К. Матиссена, 1907. 552 с.
2. *Канторович Я.А.* Процессы против животных в Средние века. М.: Красанд, 2012. 64 с.
3. *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право. Ярославль: Тип. Губерн. Правл., 1907. 219 с.
4. *Устинов В.М., Новицкий И.Б., Гернет М.Н.* Основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Типография А.П. Поплавского, 1907. 255 с.
5. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного права. Часть Общая. Киев: Университетская Типография, 1875. 413 с.
6. *Власьев Н.С.* О вменяемости по началам теории и древнего русского права. М.: Университетская Типография, 1860. 238 с.
7. *Жиряев А.* О стечении нескольких преступников в одном и том же преступлении. Дерпт: Типография Г. Лаакманна, 1850. 145 с.
8. *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть Общая: преступления и преступники. Наказание и наказуемые. М.: Типо-Литография И.И. Пашкова, 1904. 550 с.
9. *Владимиров Л.Е.* Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков: Издание типографии Каплана и Бирюкова, 1889. 259 с.
10. *Неклюдов Н.А.* Общая часть уголовного права (конспект). СПб.: Типография П.П. Меркульева, 1875. 192 с.
11. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. 2-е изд. Часть Общая. Т. I. СПб.: Гос. типография, 1902. 823 с.
12. *Калмыков П.Д.* Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1866. 535 с.
13. *Богдановский А.* Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. 2-е изд. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1871. 306 с.
14. *Баршев С.И.* Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. М.: Университетская Типография, 1841. 381 с.
15. *Актуальные проблемы уголовного права: учебник для магистрантов / отв. ред. И.А. Подройкина.* М.: Проспект, 2015. 560 с.
16. *Нейман И.Е.* Начальные основания уголовного права. СПб.: Типография Иос. Иоаннесова, 1814. 75 с.
17. *Слепнев К.* Учебник русских военно-уголовных законов. Вып. I. СПб.: Тип. Гогенфельдена и К°, 1866. 142 с.
18. *Павлов В.Г.* Субъект преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 318 с.
19. *Лохвицкий А.В.* Курс русского уголовного права. Второе исправленное и дополненное издание, сведенное с кассационными решениями. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. 704 с.
20. *Спасенников Б.А., Спасенников С.Б.* Невменяемость в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 256 с.
21. *Сербский Вл.* Судебная психопатология. Вып. I. Законодательство о душевно-больных: лекции, читанные в Императорском Московском Университете. М.: Типо-литография В.С. Траугот, 1895. 224 с.
22. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности. М.: НОРМА, 1998. 285 с.
23. *Спасович В.Д.* Учебник уголовного права. Общая часть уголовного права материального. Т. I. (Вып. первый). СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. 432 с.
24. *Будзинский С.М.* Начала уголовного права. Варшава: Типография И. Яворского, 1870. 362 с.
25. *Баршев С.И.* О мере наказаний. М.: Унив. Тип., 1840. 283 с.
26. *Хрулев С.* Характер преступных деяний душевно-больных. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1893. 199 с.

27. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная часть. Киев: Типо-литография И.И. Чоколова, 1903. 618 с.
28. Пудовочкин Ю., Разумов П. Некоторые особенности геронтологической преступности // Уголовное право. Издательство Интел-Синтез, 2003. № 4. С. 102–105.
29. Козлов А.П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF THE SUBJECT OF CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LAW OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law, 2017, no. 9, pp. 15–20. DOI 10.17223/23088451/9/3

Vsevolod E. Loba, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russia). E-mail: vsevolodka@inbox.ru

Anastasiya S. Malakhova, Armavir Linguistic Social Institute (Armavir, Russia). E-mail: mlhvnastyia@mail.ru

Keywords: subject of crime, criminal law, development of Russia criminal law.

No one would object the thesis that each crime has its own specificity, including that relating to the characterisation of the person who committed the crime. This person is called the subject of crime. It is common for modern Russian criminal law to treat the subject of crime as a physical person who committed a criminal act under Russian criminal law. The subject of crime is only an individual who has reached the age of criminal responsibility and who is able to correctly assess the social meaning and significance of their actions. Legal entities, public authorities, various organisations and institutions cannot be recognised as subjects of crime. However, the doctrine of the subject of crime in Russian criminal law has not always been uniform. Without going into details, the authors point out an ambiguous approach to the problem of a formalised age limit and criminal competency of the person liable for a criminal deed as well as to the extension of criminal liability to legal entities (corporations) and correlation of concepts “subject of crime” and “actor’s personality.” The problem of the so-called diminished sanity has always raised a lot of controversy. From the cognitive point of view, the study of any phenomenon must begin with the identification of its causes, which allows identifying the trends in its development in order to select the most typical features and accurately formulate its definition in modern conditions. According to the authors, the integral doctrine of the subject of crime, that has been missing so far, can greatly base on undeservedly forgotten Russian pre-revolutionary criminal and legal theories, which require modern rethinking. Focusing on this aspect allows separating the grass from the chaff to determine both the past and present of the doctrine and vectors of its future development, thus eliminating chaos and situatedness of measures taken by state to combat crime. Unable to list all the problems of the Russian doctrine of the subject of crime, the authors dwell only on some of them described by criminalists of the 19th – early 20th centuries. These problems greatly influenced the formation of the doctrine under analysis in the theory of the Russian criminal law. The research draws from monographs and master’s and doctoral dissertations on criminal law defended in universities of the Russian Empire.

REFERENCES

1. Pustoroslev, P.P. (1907) *Russkoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part.]. Yuriev: K. Matissen.
2. Kantorovich, Ya.A. (2012) *Protsessy protiv zhivotnykh v Srednie veka* [Processes against animals in the Middle Ages]. Moscow: Krasand.
3. Solntsev, G.I. (1907) *Rossiyskoe ugovnoe pravo* [Russian Criminal Law]. Yaroslavl: Tip. Gubern. Pravl.
4. Ustinov, V.M., Novitskiy, I.B. & Gernet, M.N. (1907) *Osnovnye ponyatiya russkogo gosudarstvennogo, grazhdanskogo i ugovnogo prava* [Basic concepts of Russian state, civil and criminal law]. 2nd ed. Moscow: A.P. Poplavsky.
5. Kistyakovskiy, A.F. (1875) *Elementarnyy uchebnyy obshchego ugovnogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugovnogo prava. Chast' obshchaya* [Elementary textbook of general criminal law with a detailed presentation of the principles of Russian criminal law. General Part]. Kiev: Universitetskaya Tipografiya.
6. Vlasyev, N.S. (1860) *O vmenenii po nachalam teorii i drevnego russkogo prava* [On imputation by the principles of theory and ancient Russian law]. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
7. Zhiryayev, A. (1850) *O stечenii neskol'kikh prestupnikov v odnom i tom zhe prestuplenii* [On the participation of several criminals in the same crime]. Derpt: G. Laakmann.
8. Esipov, V.V. (1904) *Oчерк russkogo ugovnogo prava. Chast' Obshchaya: prestupleniya i prestupniki. Nakazanie i nakazaniye* [Essay on Russian Criminal Law. General Part: Crimes and Criminals. Punishment and Criminals]. Moscow: I.I. Pashkov.
9. Vladimirov, L.E. (1889) *Uchebnyy russkogo ugovnogo prava. Obshchaya chast'* [Russian Criminal Law. General Part]. Kharkov: Kaplana i Biryukov.
10. Neklyudov, N.A. (1875) *Obshchaya chast' ugovnogo prava (konspekt)* [General Part of Criminal Law (summary)]. St. Petersburg: P.P. Merkul'yev.
11. Tagantsev, N.S. (1902) *Russkoe ugovnoe pravo. Lektzii* [Russian Criminal Law. Lectures]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Gos. tipografiya.
12. Kalmykov, P.D. (1866) *Uchebnyy ugovnogo prava. Chast' obshchaya* [Criminal Law. General Part]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
13. Bogdanovskiy, A. (1871) *Molodye prestupniki. Vopros ugovnogo prava i ugovnoy politiki* [Young Criminals. The Problem of Criminal Law and Criminal Policy]. 2nd ed. St. Petersburg: A. Morigerovskiy.
14. Barshev, S.I. (1841) *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyakh i nakazaniyakh* [The general principles of the theory and legislation on crimes and punishments]. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
15. Podroykin, I.A. (2015) *Aktual'nye problemy ugovnogo prava* [Topical Problems of Criminal Law]. Moscow: Prospekt.
16. Neyman, I.E. (1814) *Nachal'nye osnovaniya ugovnogo prava* [The Grounds of Criminal Law]. St. Petersburg: Ios. Ioannesov.

17. Slepnev, K. (1866) *Uchebnik russkikh voenno-ugolovnykh zakonov* [Russian Military Criminal Laws]. Issue. St. Petersburg: Gogenfel'den i K°.
18. Pavlov, V.G. (2001) *Sub"ekt prestupleniya* [Subject of Crime]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
19. Lokhvitskiy, A.V. (1871) *Kurs russkogo ugovnogo prava* [Russian Criminal Law]. 2nd ed. St. Petersburg: Yu.O. Shreyer.
20. Spasennikov, B.A. & Spasennikov, S.B. (2013) *Nevmenyaemost' v ugovnom prave* [Insanity in Criminal Law]. Moscow: Yurlitinform.
21. Serbskiy, Vl. (1895) *Sudebnaya psikhopatologiya. Vypusk I. Zakonodatel'stvo o dushevno-bol'nykh: lektsii, chitannye v Imperatorskom Moskovskom Universitete* [Forensic psychopathology. Issue I. Legislation on the mentally ill people: lectures at the Imperial Moscow University]. Moscow: V.S. Traugot.
22. Sitkovskaya, O.D. (1998) *Psikhologiya ugovnoy otvetstvennosti* [Psychology of Criminal Liability]. Moscow: NORMA.
23. Spasovich, V.D. (1863) *Uchebnik ugovnogo prava. Obshchaya chast' ugovnogo prava material'nogo* [Criminal Law. General Part of Material Criminal Law]. Vol. I. St. Petersburg: I. Ogrizko.
24. Budzinskiy, S.M. (1870) *Nachala ugovnogo prava* [Fundamentals of Criminal Law]. Warsaw: I. Yavorskiy.
25. Barshev, S.I. (1840) *O mere nakazaniy* [On the measure of punishment]. Moscow: Univ. Tip.
26. Khrulev, S. (1893) *Kharakter prestupnykh deyaniy dushevno-bol'nykh* [The nature of criminal acts of mentally insane people]. St. Petersburg: V.V. Komarov.
27. Belogrits-Kotlyarevskiy, L.S. (1903) *Uchebnik russkogo ugovnogo prava. Obshchaya i osobennaya chast'* [Russian Criminal Law. General and Special Parts]. Kiev: I.I. Chokolov.
28. Pudovochkin, Yu. & Razumov, P. (2003) *Nekotorye osobennosti gerontologicheskoy prestupnosti* [Some features of gerontological crime]. *Ugovnoe pravo*. 4. pp. 102–105.
29. Kozlov, A.P. (2004) *Ponyatie prestupleniya* [The Concept of Crime]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.